

В былые времена она меня любила...

Денис Давыдов

Глава 1

КЛИЕНТ С КЛЮЧОМ

улыбаясь, проговорил клиент.

Лидия вскинула брови:

— Отчего же вы так думали?

Она не сомневалась, что голос ее звучит не менее высокомерно, чем голос клиента. А то и более. Во всяком случае, она старалась, как могла.

— Ну, понимаете... — Клиент смерил ее взглядом и замялся, словно многоточие поставил. — Реклама ваша... Как-то это, знаете ли... — Он пожал плечами раз, а потом и другой.

Лидия тоже пожалала плечами и тоже дважды. Ей как-то приходилось слышать о нейролингвистическом программировании, и она запомнила, что среди его видов существует так называемое кинематическое. А может быть, кинетическое. А может быть, как-то иначе оно называлось, но точно на букву «К». Да не в букве дело, а в том, чтобы, в точности повторяя жесты и телодвижения собеседника, таким нехитрым кинетическим (или все же кинематическим?!) способом его к себе расположить, внушить ему полное доверие

и глубокую симпатию к своей персоне. Это для Лидии было очень, очень важно, ведь сей господин — по фамилии Рошин, по имени Алексей, по отчеству Васильевич — был ее первым клиентом. И Лидия загадала: если она с г-ном Рошиным А.В. отработает как надо, стало быть, и замысел ее удастся, и дело пойдет. По принципу «хорошее начало полдела откачало»!

Но, строго говоря, Лидия очень хорошо понимала смысл клиентских нерешительных многоточий и пожатий его плеч. Сдержанная, неброская реклама, которую наша героиня разместила везде, где только позволяли ее более чем скромные средства, была лаконична: «*КЛЮЧ К ТАЙНЕ*». *Составляю родословные, рисую генеалогическое древо семьи. Исследую историю вашего рода, семейные секреты ваших предков*. Однако, на взгляд человека понимающего, за этим немногословием скрывалась масса самой завлекательной информации.

В наше время, когда множество народу вдруг дуром разбогатело и сочло, что рабоче-крестьянское происхождение для них уже неактуально и даже, воля ваша, где-то не комильфо, спрос на внутрительные родословные очень резко повысился.

Генеалогический бизнес уже давно цвел просто-таки махровым цветом, в разнообразных оранжереях по выращиванию генеалогических древ трудились, аки пчелки, архивариусы всех мастей, порою не только с кандидатскими, но даже и профессорскими званиями. Однако в городе, где обитала Лидия, ниша сия еще не была заполнена.

И вот однажды, затосковав от корректорской поденщины в модном журнале «Я выбираю красивых людей!» (от их красоты уже челюсти сводило, будто от килограмма подпорченных лимо-

нов, съеденных без сахара), за которую платили удручающе мало, да еще и уверенности в завтрашнем дне не было никакой (многолюдный штат редакции был укомплектован исключительно «своими», за которыми стояли держатели акций и спонсоры, а Лидия была «чужая», за ней никто не стоял, да и не было у нее ничего, кроме репутации блистательного стилиста — это плюс — и занудной пуристки русского языка — это минус, — но кому в наше время, когда полностью всяких редакторских и корректорских программ, эта репутация вообще сдалась?!), она и придумала себе маленький побочный бизнес.

Строго говоря, клиент (г-н Роцин) был совершенно прав, назвав эту затею авантюрой. У нее не было никакого доступа в архивы, не говоря уже о спецхране. Она не имела ни малейшей возможности для проникновения в те самые чужие семейные тайны, исследование которых столь захватски пообещала своим гипотетическим клиентам.

Однако Лидия не только любила историю — она к тому же родилась на свет ужасной фантазеркой. Наверное, ей следовало бы сделаться писательницей, но вот беда: способности к сюжетосложению у нее были, мягко говоря, весьма средненькими. Она могла напридумывать массу захватывающих подробностей о жизни, манерах, страстях, поведении, одежде и быте людей, однако связать все это единым сюжетом, нанизать эти затейливо приготовленные кусочки на шампур, не побоимся этого слова, фабулы ей никак не удавалось. Познакомившись с ее попытками словотворчества и отметив восхитительную детализацию, издатели очень скоро начинали от пере-

избытка этих самых деталей зевать и, мысленно назвав автора занудой, писали ей «ответ с отказом» — когда любезным, когда не совсем. И в конце концов Лидия оставила мечты о том, чтобы сделаться русским вариантом Дафны Дюморье и Мэри Стюарт (это были ее любимые писательницы).

Однако, самонадеянно рассуждала наша героиня, когда обдумывала свой, выражаясь фигурально, новый бизнес, всякая родословная — это не что иное, как множество разрозненных сюжетных линий, слитых воедино мощным талантом самого гениального на свете автора — Судьбы. Лидия знала, что ей порою (а может быть, и частенько) придется напрягать фантазию, а проще говоря, привирать, однако никаких моральных препон выставлять себе не собиралась.

Она сделает все, что сможет, опираясь на максимум реальных, доступных сведений, которые предоставит клиент или которые ей удастся раздобыть. Но если дело дойдет до недоступных, придется-таки напрячь эту самую фантазию. Главное ведь, чтобы клиент получил удовольствие, читая историю своего рода. Главное, чтобы ему стало интересно. Чтобы ему было чем гордиться! И Лидия не сомневалась, что скелеты, которые воленсноленс прячутся в каждом шкафу, будут ее стараниями принаряжены в самые пышные одеяния!

А ее творческая, вернее сказать, генетическая лаборатория... Вход в нее будет закрыт для непосвященных. Всякое, в конце концов, ремесло имеет свои тайны, порою даже не слишком приглядные. Например, производство душистого мыла... На самом деле это ужас что такое! Менее благоуханное занятие просто трудно себе представить!

И вообще «когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда»...

Если уж стихи растут из сора и не ведают в том стыда, то родословным сам бог велел, считала Лидия.

— Кстати, ваша фамилия... — внезапно раздался рядом мужской голос, и Лидия рассеянно воззрилась на его обладателя.

Где же она его видела?..

Ох ты, господи, да это же ее клиент, ее первый клиент, явившийся в ее крохотный офис, который она контрабандно оборудовала в собственной корректорской, благо была ее единственной обитательницей, а в это крыло здания, которое снимала редакция «Я выбираю красивых людей!», практически никто не заглядывал (господа редакторы предпочитали вызывать скромную корректоршу в свои кабинеты). Лидия, задумавшись об истоках своего дела, начисто о г-не Рошине забыла, а он взял да и напомнил о себе. И правильно сделал!

— Моя фамилия? — осторожно переспросила Лидия. — А что с ней такое?

На самом деле она лукавила. Она отлично знала, «что такое» с ее фамилией...

— Да ничего особенного, — сдержанно усмехнулся г-н Рошин. — Но, честное слово, не каждый день встретишь человека с фамилией Дуглас. Ваши предки были иностранцы?

Лидия Дуглас вспомнила о нейролингвистическом программировании и тоже улыбнулась, и тоже сдержанно:

— Да.

И умолкла, несмотря на то что г-н Рошин явно ждал продолжения. Но штука в том, что Лидии

просто нечего было ему сказать. Поговорка о сапожнике без сапог в данном случае была весьма уместна! Об истории своей фамилии она ровным счетом ничего не знала, кроме того, что эта фамилия в свое время помешала ее деду поступить в университет, а ее прадеду она вообще стоила жизни. Собственно, это была фамилия ее отчима, Лидию удочерившего.

— Да, фамилия этакая... странноватая, — неодобрительно покачал головой г-н Рошин, так и не дождавшись рассказа о фамилии Дуглас, однако тут же расщедрился на снисходительную улыбку: — К счастью, ваша внешность внушает доверие.

Лидия в ответ тоже улыбнулась — довольно кисло, между нами говоря.

Нет, ну в самом деле, она совершенно не знала, как эти слова воспринимать. Наверное, как комплимент? В том смысле, что гладенько причесанная голова, закрученные в скромненький узелок русые волосы, круглые очки и демонстративное неприятие косметики, серая водолазка, серая же фланелевая юбка-макси и бареточки без каблучков, да еще со шнуровочкой, могли рекомендовать Лидию Дуглас с самой лучшей стороны? Г-н Рошин не мог знать, что подобный прикид (будем называть вещи своими именами!) являлся своеобразным протестом Лидии против упомянутой гламурности ее места работы. На эту самую гламурность у Лидии уже идиосинкразия выработалась; порой при виде глянцевого страниц с лупоглазыми «красивыми людьми», на которых пиджачки от разных там армани и прочих хьюго боссов сидели в точности как жокейские седла на буренках, у нее натуральные судороги начина-

лись, — вот она и спасалась таким нехитрым образом. И была просто счастлива, что этот ее унылый вид внушил г-ну Рошину необходимое доверие для того, чтобы наконец-то перейти к делу.

— Понимаете, Лидия Александровна, я тут кое-какие справки наводил и знаю, что бизнес этот, ну, составление родословных, — штука дорогая для заказчика, а для исполнителя — хорошо оплачиваемая. А я в настоящий момент, сказать по правде... — Г-н Рошин выразительно щелкнул пальцами, и Лидия словно расслышала в этом щелканье сакраментальные фразы: «Стеснен в средствах», «Поиздержался в дороге», et cetera, et cetera... — Понимаете, вот-вот в фирме ремонт закончили, да это бы еще ничего, но у жены (у второй жены, зачем-то уточнил он с затаенной улыбкой) был день рождения, я ей «Мазду» купил, ну а первая жена, — теперь Лидия поняла, зачем потребовалось уточнение! — узнала, разобиделась, начала сына против меня настраивать... Пришлось ей тоже срочно машину взять, «Фольксваген», а сына отправить на каникулы в Альпы, на горных лыжах покататься. Сами понимаете, расходы понес немалые. Конечно, поступления на счет идут, но у нас как раз сейчас налоговые отчисления, то да се... Ну, сами понимаете. Кроме того, я ваших способностей, качества вашей работы еще не знаю. Поэтому вот какое предложение: мы пока не станем говорить обо всей родословной, а побеседуем только об отдельном ее фрагменте. Очень небольшом фрагменте. Как вы на это смотрите?

Лидия смотрела на него во все свои серые и довольно большие глаза. Она на него, можно сказать, пялилась!

Рискуя несколько отклониться от хода нашего повествования, скажем, что г-н Рошин этого вполне заслуживал. На вид ему было лет тридцать пять, то есть немногим больше, чем самой Лидии, однако во всей его внешности была видна повадка много испытавшего и очень уверенного в себе человека. Он был не то чтобы красив — он был весьма мужествен. Имел приятные, хоть и неправильные черты, и если лицо его и приобрело несколько ожесточенное, даже агрессивное выражение, то что же делать, господа, если жизнь, как говорится, такой?! Зато г-н Рошин не разъелся, не обрюзг, не обзавелся вторым или даже третьим подбородком, не отрастил себе омерзительное пивное брюшко, у него не заплыли глаза и не пробились плешь. Он был неброско, дорого одет, он был богат и добросердечен (купить первой жене баснословную машину только ради того, чтобы не завидовала своей преемнице, — это вам не кот начихал!), словом, он был мужчина хоть куда, и Лидия, честно говоря, сожалела о том, что предстала перед ним в виде столь унылого синего (серого, если быть точным!) чулка.

А впрочем, предстань она перед ним в образе самой очаровательной из всех очаровашек, словно бы только что сошедших со страниц глянцевого журнала «Я выбираю красивых людей!», это вряд ли побудило бы г-на Рошина взглянуть на нее благосклонно: этаких-то он небось видел-перевидел, они небось так и спархивают к нему со всех сторон, словно птицы — к святому Франциску Ассизскому... Нет, Лидия, наоборот, должна изо всех сил похвалить себя за то, что оделась со всей мыслимой и немислимой невзрачностью, а потому голубые глаза г-на Рошина, густо опу-

шенные очень длинными и черными ресницами (ирландские этакие глаза, очень опасные, надо заметить, для всякого женского сердца!), глядят на нее с доверием и уважением, а вовсе не с каким-то там малопристойным намеком.

Лидия с тяжким вздохом похвалила себя, отвела взор от глаз г-на Рощина и спросила:

— О каком фрагменте идет речь? Вы что-то конкретное имеете в виду?

— Видите ли... — Г-н Рощин поерзал на стуле, устраиваясь поудобнее, однако это было невозможно, потому что это было невозможно в принципе, и он смирился. — Видите ли, Лидия Александровна, я хочу вам рассказать, с чего все началось. Я хоть и развелся с первой женой, но сына очень люблю. Мы с ним друзья. Я для него на все готов! Летом брал его с собой в Бургундию, это во Франции, — счел нужным пояснить он, и Лидия призадумалась было, обидеться на него за эту «сноску» или нет, но, поразмыслив, все же не стала мелочиться. — Мы гостили у моего бизнес-партнера, Виктора Марше, у которого я покупаю бургундские вина для своей сети магазинов, а у него дом неподалеку от Дижона, шато, можно сказать, весь увешанный портретами предков. Дочку его зовут Жюли, с ней мой сын очень подружился, и она ему о своих пращурах рассказывала. Соображучая такая девка, четырнадцать лет, всего на два года моего Лехи старше, а шпарит как по писаному: этот был прево¹ Ди-

¹ Прево (prevot) — во Франции XI—XVIII веков королевский чиновник, обладавший в подведомственном ему административно-судебном округе (превотаже) судебной, фискальной и военной властью.

жона в тысяча пятьсот каком-то году, этого в конце XVIII века гильотинировали в Париже, этот побывал в России вместе с наполеоновскими войсками, чуть не сгинул в наших снегах, этот погиб при Марне, этот был в Сопротивлении, а этот и вовсе в Святую землю с крестоносцами ходил... Всех и не упомнишь, у них там портретов дам и кавалеров — ну что тебе в Третьяковке! И Леха говорит мне как-то раз: «Пап, Жюли рассказывала, что Марше этим именем всех старших дочерей называют в честь русской гадалки, которая спасла того лейтенанта наполеоновского, предсказав ему, что мост через Березину будет разрушен, и он ей сначала не верил, а потом в последний момент на лодке переправился, в стороне от моста, так и остался жив, и вот теперь весь их род ее как бы благодарит».

— Русская гадалка по имени Жюли? — скептически пробормотала Лидия. — Во времена наполеоновского нашествия? То есть ее звали или Юлия или, всего вернее, Ульяна?.. Французский офицер и русская гадалка... Боже мой, какой сюжет для дамского романа! Однако, извините, я вас перебила, — спохватилась она.

— Ну, значит, мой сын мне заявляет, — продолжил Рощин: — «Пап, ты говорил, что у нас в семье старших сыновей всегда Алексеями называют, а мы не знаем, почему и в честь кого. Почему мы вообще только про дедушку твоего знаем, который автозавод строил? А до него разве никого не было? Я хочу про всех своих предков знать, хочу, чтобы у меня тоже их портреты были!» Я как это услышал, у меня прямо сердце кровью облилось. Мне тоже всегда хотелось знать побольше о своих дедах и прадедах! Но теперь все

концы оборваны. Дедов ни у меня, ни у бывшей жены не осталось, и если ее родители хоть что-то смутно знают о своих предках, то у нас — почти полная тьма.

— Почти? — быстро глянула на него Лидия. — Значит, кое-что все же известно?

— Кое-что. Практически ничего. Помню, что в пору моего детства хранилась в книжном шкафу небольшая карманная Библия, на которой почти выцветшими чернилами было написано: *«Ирины Михайловны Роциной собственность. Тысяча восемьсот четырнадцатый год. Господи, утоли моя печали!»* Очевидно, это была моя пра-пра... — Он махнул рукой. — Уж и не сочту, сколько этих «пра-пра» нужно поставить. Тысяча восемьсот четырнадцатый год, шутка ли, почти двести лет прошло! Еще в Библии лежал обрывок листка бумаги — желтого, такого истончившегося, похожего на засушенный лепесток какого-то цветка. Наверное, это было письмо, но чернила где расплылись, где выцвели, я помню, там можно было только несколько слов разобрать: *«...в честь моего обожяемого покойного супруга... Сегодня два года, день в день, как свершилось самое страшное, самое печальное событие в моей жизни... могу назвать именно ее коварной убийцей Алексея...»*

Честно признаться, больше я ничего уже не помню. В то время меня это совершенно не интересовало! Потом квартиру нашу обворовали, я тогда еще маленький был, пропала и Библия, и этот обрывок. Может, выбросили книжку воры, может, букинистам продали — теперь концов не найдешь. Но имя это и дату я очень хорошо помню, и вот почему припомнить пришлось. В нашем художественном музее выставка сейчас идет —

«Картины из частных собраний меценатов и дарителей». Честно вам признаюсь, — Рошин ухмыльнулся, — я в музеи редко хожу, работа, все такое, не до искусства. Меня на эту выставку вытащил все тот же мой французский приятель, Виктор Марше. Он на несколько дней приезжал в гости посмотреть, как наш с ним совместный бизнес развивается... Может, слышали, сеть магазинов «Марше дю вэн», «Винный базар»? Тут игра слов — его фамилия тоже Марше, он, по-русски говоря, Базаров...

Лидия, которая некогда окончила школу с углубленным изучением французского, а потом и соответствующий факультет лингвистического университета, неплохо знала французский, все же не стала уточнять, что в переводе не нуждается. Наша героиня была не только хорошо образованна, но и тактична.

А Рошин продолжал хвастаться:

— Прямые поставки из Бургундии, отличное вино, есть ординарное, но есть и двадцатилетней выдержки, настоящие коллекционные образцы!

— Знаете, — сконфуженно призналась Лидия, — вы только не обижайтесь, Алексей Васильевич, но я в винах вообще ничего не понимаю и практически их не пью.

— И правильно, и правильно, — хмыкнул Рошин весьма иронически. — Кто не курит и не пьет... Не зря БЭГэ еще в прошлом веке говорил, не пей, мол, вина, Гертруда!

Лидия хотела было уточнить, что слова эти принадлежат не столько БЭГэ, в смысле Борису Гребенщикову, сколько некоему ВЭШа, в смысле Вильяму Шекспиру, и сказаны о-очень задолго до прошлого, в смысле XX, века, но снова вспом-

нила о тактичности и сдержанно вернулась к утерянной нити беседы:

— Так что там произошло, на той выставке?

— Там был один пейзаж, — сказал Рошин. — Пейзаж да и пейзаж, ничего особенного, ну, природа, ну, погода... Но под ним висела табличка — вот я ее в точности списал.

И, достав из солидного кожаного портфеля (на благородно тусклом, словно бы состаренном временим замочке было написано: «Dr.Koffer») блокнот в столь же кожаной и столь же солидной обложке, раскрыл его и прочел:

— «Эта картина некогда была подарена музею автором, сведения о котором затерялись, поэтому она называется теперь — работа неизвестного художника. Однако, если судить по манере письма, она вполне может принадлежать кисти малоизвестного живописца Ильи Фоминичнина, примыкавшего к кружку передвижников и бывшего в юности крепостным человеком московской помещицы, вдовы известного доктора Сташевского, Ирины Михайловны Рошиной-Сташевской».

Рошин азартно взглянул на Лидию:

— А? Понимаете? Я как увидел эту подпись, сразу вострепнулся. Это же надо, какое совпадение!

— Ну да, — осторожно согласилась Лидия. — В самом деле, на книге подпись Ирины Михайловны Рошиной — и тут Ирина Михайловна Рошина... Но на книге стоит тысяча восемьсот четырнадцатый год. А передвижники — это когда? Кажется, тысяча восемьсот семидесятые — восьмидесятые годы. Долго же она прожила! Почти весь девятнадцатый век на ее глазах прошел, какие мемуары можно было бы написать, просто чудо! Но откуда же взялся этот Сташевский?

— Я думаю, — решительно сказал Рошин, — это ее второй муж. Дети у нее — мои предки — были от Рошина, может быть, от того самого, в честь которого у нас всех старших сыновей называют Алексеями, а потом он был убит какой-то коварной особой — и она вышла за Сташевского.

— С таким же успехом коварно убитый Алексей Рошин мог быть братом этой Ирины Михайловны, — возразила Лидия. — Она просто-напросто не поменяла фамилию после замужества, а присоединила ее к своей девичьей.

— Да ну, вряд ли... — покачал головой Рошин. — Это уж такая редкость была, чтобы сохранить девичью фамилию.

— И все же сохраняли, если она была чем-то особенно знаменита.

— Ну вы слышали о какой-то знаменитости по фамилии Рошин?

Лидия подумала и честно призналась:

— Нет. Только в «Хождении по мукам» был такой персонаж — Вадим Рошин.

Взор клиента остался чист и незамутнен, и Лидия решила не углубляться в интеллектуально-непролазные дебри и с очередным приливом тактичности пробормотала:

— Но мы очень мало знаем даже об истории страны, что уж говорить о так называемой частной истории? Можно только гадать о том, почему этой Ирине Михайловне была так дорога эта фамилия.

— Например, — упрямо сказал Рошин, — это была фамилия ее первого мужа, человека, которого она очень любила, детей которого растила, а за Сташевского вышла... ну, мало ли, просто чтобы жить легче было.

Лидия посмотрела на своего первого клиента с

интересом. Да он сам задает ей сюжет! Миф первый: «Алексей и Ирина»... Ну что ж, тем легче будет Лидии сочинить эту историю. Наверное, узнай она каким-то невероятным образом истинную подоплеку отношений первого Алексея Рощина и этой Ирины Михайловны и окажись это не любовные отношения, совладелец сети магазинов «Марше дю вэн» будет страшно разочарован!

— А почему, если старшие сыновья в вашей семье всегда Алексеи, ваше отчество — Васильевич?

— Потому что мой отец был младшим сыном, — усмехнулся Рощин. — Но его брату Алексею не везло — у него одни девчонки рождались. И я получился старшим сыном в семье. И ношу это имя. А потом так своего сына назвал. И он своего назовет. Вот если бы еще узнать, кем он был, этот Алексей Рощин...

— Если принять вашу версию любви и брака, в тысяча восемьсот четырнадцатом году Ирина Михайловна уже была за ним замужем, — задумчиво сказала Лидия. — Только что окончилась Отечественная война, то есть в России она окончилась, но еще шла во Франции. Очень может быть, что он воевал или даже погиб на этой войне.

— Не забывайте о коварной убийце! — напомнил Рощин. — Алексей не погиб на войне! Возможно, о его убийстве было известно в полиции? Или какие тогда были карательные органы, черт их знает?.. Вам надо, короче говоря, подобраться к архивным документам, которые касаются начала тысяча восьмисотых годов. У вас есть доступы в архивы?

Лидия многозначительно повела бровью.

А что ей оставалось делать? Только и поводить

бровью! Не признаваться же, что никакого до-
ступа нет и в помине!

— Да я все понимаю, — кивнул Рошин. — Ту-
да так просто не подберешься. Я что хочу сказать?
Я все эти разговоры о своих тратах зачем заводил?
Затем, чтобы подойти к теме о гонораре. За ин-
формацию об Алексее и Ирине Рошинных я за-
плачу тысячу долларов аванса. Вы сможете рас-
ходовать эти деньги на, как бы это выразиться,
смазывание дверей, через которые должны прой-
ти в архив. Потом представите мне отчетец, сколь-
ко на эту смазку израсходовано. Это у нас прой-
дет по графе представительских расходов. А ваш
собственно гонорар... Две тысячи долларов вас
устроят? Или лучше в евро?

— Лучше в евро, — эхом отозвалась Лидия.

— В смысле, я хочу сказать, в рублях по курсу
евро, — уточнил Рошин, и на эти его слова тоже
откликнулось эхо:

— ...по курсу евро...

— Вы предпочитаете на счет или наличными?

— ... или наличными...

Рошин подозрительно посмотрел по сторонам,
словно дивясь, что у такого тесенького помеще-
ния такая мощная акустика, и это дало Лидии
возможность взять себя в руки.

Нет, ну в самом деле, придержи свой восторг!
Неприлично, честное слово, так радоваться пре-
зренному металлу, вернее, презренной бумаге!
Неприлично показывать, насколько тебе осточер-
тело безденежье, насколько ты устала от него.
Насколько хочется позволить себе какую-то не-
ожиданную радость — вроде поездки в Турцию
или, к примеру, в Египет... ни там, ни там ты ни-
когда не была... кажется, сейчас уже нет на свете

человека, который не съездил бы в Турцию и к пирамидам, ты — последняя могижанка. Но эти деньги, которые для г-на Рощина с его привычкой утешать жен автомобилями такие гроши, для Лидии — почти сокровища инков и майя, вместе взятые!

Стоп. Их еще нужно заработать. Конечно, ты можешь прямо нынче же ночью взять и сочинить историю любви Алексея Рощина, бравого гусара, и прекрасной барышни Ирочки — как может быть ее девичья фамилия?.. да не суть важно, любую можно придумать, хоть бы Симонова, — Ирочки, значит, Симоновой, которая обвенчалась с Алексеем Рощиным в разгар войны, накануне битвы при Бородине, и он в этой битве погиб, а у нее остался сын, и в честь своего покойного мужа...

Стоп. Еще была коварная убийца...

Может, соперница? Запросто! Кто ж еще?! Взала и отравила, заколола кинжалом, застрелила из лепажа стволов роковых (нужное подчеркнуть) Алексея Рощина... Даже Лесков выражался в том смысле, что в деревенских избах могут кипеть воистину шекспировские страсти. А в помещичьих домах им кипеть сам бог велел!

Сюжет незамысловатый, но вполне достоверный. Замысловатость тут и не нужна. Если Лидия нагромоздит слишком много подробностей, Рощин заподозрит выдумку. Только факты нужны, только скупые факты. Нет, капелька романтического флера не повредит. Можно будет «найти» в архиве какое-нибудь письмо — без адреса, конечно, но написанное в духе сожалений о судьбе бедняжки Ирины, которую обездолила ее... ну, скажем, кузина, отравив солеными грибочками (а чем еще, не ядом же кураре!) ее молодого супруга... Рощин охот-

но поверит, что это письмо писала Ирина Михайловна. Конечно, он потребует доказательств, однако не слишком-то сложно для Лидии с ее даром стилизации изготовить что-то подобное на потертом бумажном листке, написать текст чернилами и перьевой ручкой (можно даже разыскать настоящее гусиное перо для такого дела!), а потом снять с него копию и предоставить этот ксерокс Рошину. Надо только не забыть, что на архивных документах стоят какие-то штампы, печати — единица хранения номер такой-то... и что-то еще в этом же роде.

«О господи, да ты, подруга, кажется, готова не только фальсифицировать исторические документы, но и печати государственных образцов подделывать?» — словно бы ахнул кто-то рядом с Лидией, но она даже не стала оглядываться в поисках этого нервного человека, она и так знала, что это совесть пробудилась... поздно, голубушка, поздно! Дело сделано, прелестная пачечка голубеньких тысячных купюр и нескольких желтеньких сотенных уже приятно шелестит в ее неловко вытянутой руке. Надо их поскорей спрятать, пока Рошин не передумал.

Да, в самом деле! Лидия вдруг обнаружила, что клиент смотрит на нее как-то очень странно. Как бы размышляет, что делать дальше: вырвать у нее из руки желто-голубую пачку денег или все же не мелочиться?

Лидия торопливо сунула аванс в карман юбки:

— Вы, наверное, хотите, чтобы я вам расписку дала?

— Да бросьте, — пожал плечами Рошин. — Что я, не вижу, с кем имею дело? Вы не из тех, кто немедленно бросится с этими деньгами в ближай-

шее турагентство и купит путевку в какой-нибудь там турецкий или египетский рай. Вы будете теперь в архиве с утра до ночи сидеть, а сначала, готов спорить, в художественный музей сбегаете, чтобы своими глазами увидеть картину этого бывшего крепостного Ирины Михайловны Рощиной.

— Рощиной-Сташевской, — уточнила Лидия, и Рошин досадливо поморщился:

— Конечно, конечно. Но понимаете, Лидия Александровна...

«Сейчас все же попросит расписку», — решила было Лидия, однако на уме у Рошина было что-то другое. Он откровенно мерил свою собеседницу взглядом, словно хотел отыскать, где именно находятся застёжки на ее юбке и пуговицы на свитерке. Но если обнаружить пуговицы было невозможно просто потому, что их не существовало как таковых, то застёжки на юбке имелись, и Лидия вдруг ощутила предательское желание показать Рошину, где именно они находятся.

«Почему он так смотрит? — подумала она, ощущая, что щеки загорелись. — А что, если он мной заинтересовался? Что, если решил... мы тут одни в кабинете, да и в здании, кажется, уже никого не осталось... а если он захочет...»

Мысли бестолково заметались, не в силах охватить все возможные и невозможные желания и намерения Рошина, и тут он вдруг сделал решительный шаг к Лидии:

— Была не была! Я должен вам кое-что сказать!

Лидия медленно потащила с носа очки. Сказать по правде, надобности в них никакой не имелось: зрение у нее было превосходное, без очков она гораздо лучше видела, и они, конечно,

только помешали бы ей, если бы Роцин вдруг... если бы он...

Как-то странно на нее этот человек действовал, честное слово!

— Послушайте, — сказал Роцин, — послушайте, Лидия Александровна. Я вам сейчас кое-что передам. Вот смотрите.

И он протянул к Лидии ладонь, на которой лежало что-то темное, как бы заржавелое.

Это был ключ.

Лидия снова надела очки. Нет, не для того, чтобы разглядеть ключ — как уже было сказано, она и без очков прекрасно видела, что он небольшой, затейливой формы, позеленевший от времени, — но чтобы скрыть свое жуткое замешательство.

Да что это на нее нашло? Что это вдруг помутило ей разум? Как она могла вообразить, что Роцин, богатый, успешный, обремененный деньгами, как иной — долгами, может посмотреть на нее, архивную, так сказать, крысу, серую, признаемся честно, мышку, с вожделением?! Все-таки одиночество порой сводит женщин с ума, именно что сводит с ума!

Надо надеяться, Роцин не заметил, что в какой-то миг она была просто-напросто готова кинуться в его объятия — даже не кинуться, а натурально броситься! А объятия-то даже и не собирались раскрываться...

Нет, она спятила. Человек, который владеет семью магазинами, который утирает слезы женам автомобилями, а сыну — поездкой в Альпы... и Лидия Дуглас?! Да он видит в ней не женщину, а... а какое-нибудь зачуханное, перемазанное чернилами пресс-папье!

Ну и ладно. Ну и пожалуйста. Не очень-то и хотелось. Подумаешь, какой-то пошлый вино-торговец. Оказался хотя бы удалым спецназовцем, в этом хоть какая-то романтика была бы!

— Ключ? — спросила Лидия хрипло и откашлялась. — Что это за ключ?

— Представления не имею, — смущенно признался Рошин. — Ситуация, короче говоря, такая. Библия, о которой я вам говорил, и этот ключ — единственные вещи, которые сохранились в моей семье *из прошлого*. Они, так сказать, *дореволюционные*. Меня еще в детстве это слово — *дореволюционные* — с ума сводило. Невероятно волновало! В нем такая тайна была!.. У нас в семье твердо держалось убеждение, что его какой-то мастер изготовил аж для Екатерины Великой. Я нарочно искал в Интернете — в самом деле, был какой-то безымянный кузнец из павловских крепостных графа Петра Борисовича Шереметева, которого Екатерина от ссылки на каторгу избавила, а он ей в подарок сделал цепочку из крошечных замочков и ключиков.

— Тяжеловатая была небось цепочка! — посочувствовала Лидия, а Рошин снисходительно улыбнулся:

— Я смотрел в Интернете: оказывается, в мастерских Шереметева делали замочки накладные, золотые, тоненькие, как листья березовые! В екатерининские времена была большая мода украшать себя этими замочками. Может, это тоже изделие того самого мастера? — Рошин подбросил на ладони заржавевший ключ. — Никто не знает, откуда он, от какой двери. Но меня почему-то гораздо больше волнует не то, что он какой-то там шкафчик Екатерины Великой отмыкал, а то,

что он тоже имеет отношение к Рошину, к Алексею Рошину и к Ирине Михайловне.

— Да почему?! — изумленно уставилась на него Лидия. — С чего вы взяли?!

— А вот с чего. Вот здесь, на головке ключа, — он ткнул ухоженным ногтем в потемневший от времени металл, — в лупу можно отчетливо разглядеть цифры — тысяча семьсот восемьдесят семь. Буквы там какие-то есть, инициалы мастера, наверное, но их не разберешь, а цифры видны вполне ясно. Это екатерининские времена, а Отечественная война от них не столь далеко! То есть ключ вполне мог принадлежать Ирине Михайловне!

— Мог принадлежать, — кивнула Лидия. — Но мог и не принадлежать...

И она прикусила язык.

Конечно, конечно, это может ровно ничего не значить. Вполне вероятно, что ни Ирина Михайловна Рошина, ни тот, первый Алексей Рошин в жизни не держали в руках этого ключа. То есть в этом можно быть уверенной на 99 целых 99 сотых и 999 тысячных процента. Но нынешний Рошин, Рошин номер два, очень хочет, чтобы ключ, Библия и картина в художественном музее были звеньями одной цепи. Так в чем же дело? Кто платит деньги, тот и заказывает музыку, подумала Лидия, которой не была иногда чужда доля здорового цинизма. Ну да, Лидия вовсе не была столь уж белой (точнее, серой, учитывая цвет ее одежды) и пушистой, как могло показаться на первый взгляд. Впрочем, о ее циничности говорила, даже просто-таки криком кричала сама идея создания этой конторы с символическим названием «Ключ к тайне».

Да и ладно, не в монастырь же она намерена поступить, чтобы строить из себя воплощение чистоты и невинности! Главное, у нее теперь есть ключ, у нее есть тайна — и за разгадку этой самой тайны ей заплатят очень немалые деньги. Так что вперед, Лидия Дуглас! Только вперед!

В смысле в художественный музей.

Глава 2

КЛЮЧ ОТ ДВЕРИ

Картина была как картина, правильно Рошин сказал: примерно сорок сантиметров на пятьдесят, в тяжеловатой для таких скромных размеров багетовой рамке. Весьма тщательно и, как принято говорить, с душой был изображен речной берег с закраиной леса. Ничего особенного, русский пейзаж, столь же прелестный, сколь и типичный: березки в первом осеннем злате, сизая рябь волн, зрелые камыши. Но это только на первый взгляд все в ней было так просто! До тех пор, пока зритель не обращал внимание на песок с отчетливо видными отпечатками следов — мужских сапог и женских туфель.

Лидия, увидев эти следы, даже вздрогнула. Кому пришло в голову назвать это просто пейзажем? Самая настоящая жанровая картина, даром что ни одного человека не изображено. Но эти следы, которые сходятся с разных сторон берега, какое-то время тянутся вместе, сплетаясь, а потом расходятся снова — это же отражение человеческих отношений, отражение их развития! Ай да художник Илья Фоминичнин, бывший крепостной докторской вдовицы Ирины Михайловны Рошиной-

Сташевской! Ай да молодец! Многое понимал в жизни!

К сожалению, более ни одного произведения, принадлежащего кисти Ильи Фоминичнина, ни в выставочном зале, ни в каком-то другом Лидия не обнаружила. Ну да, Рошин так и говорил. Но на всякий случай Лидия все же подошла к дежурной и спросила о его картинах.

Немолодая дама исключительно интеллигентного вида (здесь работали только такие дамы, в кругленьких очочках, блузочках с кружевными воротничками и в седеньком перманенте, словно выглянувшие из каких-нибудь 50-х годов минувшего века пережитки старого советского мира) посоветовала обратиться к хранителям.

Лидия поглядела на нее с трепетом. Слово это воскрешало в памяти страницы какого-то фантастического романа (в юные года Лидия обожала фантастику, читала ее тонно-километрами, потом все это как-то сошло на нет) или фильма. Что-то вековечное, невероятно значительное, что-то высшее крылось в этих словах: *«Обратитесь к хранителям!»* Чудилось, если она обратится к этим самым хранителям, они не просто ответят на вопрос, есть ли в музее другие картины Фоминичнина, но и помогут заглянуть в некие глубины...

Чего? Да времени, наверное.

«На самом деле хранители ведают музейными архивами, — тотчас отрезвила себя Лидия. — Никакой мистики!»

Дежурная сказала, что кабинеты хранителей расположены на третьем этаже. Лидия, благоговая, поднялась туда по боковой, очень крутой и очень неудобной лестнице, благоговая, прошла по скрипучему паркету коридора, оказалась у две-

ри с соответствующей табличкой, благоговей, заглянула, никого не обнаружила и остановилась в благоговейной нерешительности.

Раздались шаги, и Лидия увидела человека в зеленом комбинезоне, тащившего стремянку. На плече у него висел моток провода, из чего наша героиня заключила, что это был весьма прозаический монтер.

— Хранителей ищете? — Он произнес это слово без всякого благоговения. — Да они все в подвал ушли — в картотеку. Это из холла вниз по лестнице, мимо гардеробной пройдете, потом налево и опять налево, в третью дверь.

Лидия поблагодарила.

— Вы туда прямо сейчас пойдете? — спросил монтер. — Скажите им, что свет ненадолго вырублю. Минут на пять, не больше, так что пускай не паникуют, а то поднимут визг, вот не люблю!

Лидия пообещала сказать и спустилась в холл, а потом в гардеробную. Ей казалось немножко странным, что каждый-всякий может вот так, запросто, ходить по такой сокровищнице, какой был в ее глазах областной художественный музей.

Лидия свернула налево и пошла по длинному, плохо освещенному коридору. Лампочки в настенных бра горели почему-то через одну. Тяжелые, окрашенные масляной краской двери терялись в полумраке. С правой стороны их было много, все они имели вполне бытовой вид, были снабжены табличками с номерами, а с левой стороны дверей оказалось раза в два меньше, и они были, во-первых, не белые, а темно-коричневые, а во-вторых, закрыты тяжелыми засовами. Ага, значит, всякому-каждому сюда все же нет доступа!

Это несколько успокоило Лидию. Она шла

себе и шла, как вдруг что-то щелкнуло довольно громко — и свет погас.

Вот те на! Монтер выполнил свое обещание, а Лидия еще не успела дойти до хранителей и предупредить их. Сейчас распахнутся двери, из них начнут выглядывать испуганные люди, поднимется тот самый визг, которого так не любил монтер.

Однако прошла минута и другая, а визг не поднимался, и ни одна дверь не распахнулась. И ни звука Лидия не слышала. Вокруг стояла тишина, от которой звенело в ушах.

Она быстро оглянулась, хотя вряд ли что-то могла увидеть в этой крошечной тьме. От этого слишком резкого движения мгновенно закружилась голова, и она совсем перестала соображать, куда шла и откуда явилась. Лидию даже шатнуло! Она протянула руку в сторону, пытаясь ухватиться за стену, однако рука ушла в пустоту.

Да что за чертовщина?!

— Эй... — негромко сказала Лидия, но голос в этой крошечной тьме прозвучал так странно и даже дико, что она сочла за благо замолчать. Глупо надеяться, что сейчас откроется какая-то дверь и станет светлей. Монтер обещал вырубить свет во всем музее, значит, и в кабинетах темно. Хранители — а по большей части это, конечно, хранительницы, особы женского пола, — небось ужасно перепугались да и сидят теперь в темноте, даже визг поднять не в силах от страха, не то что двери открывать. Придется рассчитывать только на себя, как, впрочем, и всегда. Достать мобильный и включить в нем фонарик — вот что надо сделать!

И тут Лидия вспомнила, что совершила страшную глупость. Она сдала в раздевалку свою до-

вольно большую сумку — так потребовала гардеробщица, — не вытащив оттуда мобильный... А может, руки, как это часто бывало, все же оказались умнее головы? Может, сунули телефончик в карман юбки?

Проверила карман. Увы, руки нынче сплеховали, так же как и голова. Никакого телефона там не было. Зато обнаружился какой-то небольшой плоский предмет причудливой формы. Лидия зачем-то потащила его из кармана, хотя понятно же было, что в этой тьме египетской ничего не разглядишь.

Однако она ясно увидела, что на ладони лежит ключ.

Ну конечно! Ключ, тот самый, *дореволюционный*, который дал ей Рощин! Лидия прихватила его с собой в самый последний момент, решив показать кому-нибудь в музее. Вдруг подскажут, от чего он мог быть: от дверных замков или от мебельных, да мало ли какую информацию могут дать люди сведущие. А в карман положила, чтобы раритет не затерялся в необъятной сумке.

Нет, полно, да тот ли этот самый ключ?.. Лидия отлично помнила, какой он был темный, как бы заржавелый, потемневший от времени. Она даже почистить его чем-нибудь хотела, да потом решила, что не стоит: в таком виде ключ смотрелся внушительно и романтично, а отчисти его — и окажется какая-нибудь пошлая медяшка. Однако тот ключ, который лежит сейчас на ладони у Лидии, блестит, словно червонное золото. Не мог же он сам отчиститься в ее кармане, верно? Или это какой-то другой ключ? Но как он тогда попал в карман?

Да нет, ключ вроде тот же самый. Вот острый

выступ на конце, вот завитки на основании, вот и отчетливо различимая надпись на головке: 1787... И теперь видны буквы: *ВО*. Загадочное словечко. Что оно значит? *ВО* какой классный ключ? *ВО* что его надо вставить, в какую дверь? А может быть, это инициалы мастера? Какой-нибудь Венсан Ориоле? Вольфганг Ольдемайер? Виктор Ольтропп?!

Да какие угодно можно сочинять имена и фамилии, все равно в жизни не угадать. Да это сейчас и неважно. Важно другое: почему ключ начал так блестеть?!

Лидия растерянно отвела глаза от ключа. Но, видимо, этот блеск что-то сделал с ее зрением, потому что ей показалось, будто впереди блестит еще что-то. Как будто часть темноты обведена светящейся линией...

Ага, решила Лидия, все очень просто. За одной из дверей включилось аварийное освещение. Наверняка такая штука в музее предусмотрена, не может быть не предусмотрена, здесь же все на охранной сигнализации.

Она машинально сунула ключ в карман и быстро пошла к двери. Пошарила по ней, пытаясь найти ручку, но не смогла. Нет там никого, что ли, в этом кабинете? Но откуда тогда слышны голоса?

Лидия приложила ухо к двери — и голоса стали отчетливей:

— Да что ж, теперь все это обратно вынуть, што ль, чего туда наклали? Эва! Трудились, трудились, а теперича вынуть?

— И вынешь, Проша, невелика забота. То есть она велика, конечно, да в лихую годину надобно не токмо о себе заботиться, чтобы вовсе не об-

ратиться из человек в зверей, как уже обратились наши погубители.

— Да что вам, батюшка Петр Никитич, до соседского добра? Главное дело, свое припрятали, а там хоть трава не расти. Господин-то Шалабанов, думаете, стал бы ради вас стараться-мучиться? Мы эвон сколь кирпича натаскали, да раствор месили, да стенку клали, чтоб, значит, покрепче да понадежней, а тут он откуда ни взялся со своим сундучищем — припрячьте, значит, и мое барахлишко! А ведь тут и вашему добру, барин, тесно! Его сундучище сверху взгромозди на ящики наши — он небось подавит все, помнет. Да и не проходит сундук евонный в эту щель!

— Значит, Проша, надобно щель расширить, только и всего. Ужли непонятно? Разберешь кладку сверху, пока раствор не схватился, да и поставишь сундук господина Шалабанова прямо на наши перины да подушки. Ничего он не подавит, примнет перины, невелика беда. И довольно спорить, Проша, не теряй времени! Слух прошел, неприятель уж в Москве: покуда будем тут лясы точить, так нас и возьмут за зебры около этой схоронки, да и разворуют все. Давай-ка покличь Семку, чтобы помог тебе с разбором кладки. А я пойду погляжу, запрягли лошадей или еще валандаются.

— А потом, барин, что делать, когда сызнава все заложим? Надобно кладку забелить будет, я так думаю.

— Забелить-то забелить, только не слишком усердствуйте, а то каждый дурак поймет, что здесь кладка свежая. Поверх побелки замажьте грязью, чтобы со стеной слилось. Ну и доски прислоните тут, чтобы прикрыть свежее. А потом сразу ухо-